

© Батурова Т.К., 2011

РОДНЫЕ СВЯТЫЕ В ЖИЗНИ Ф.И. ТЮТЧЕВА

Аннотация. В статье представлена малоизученная проблема влияния святых на мировоззрение и творчество Ф. И. Тютчева. Рассмотрена роль святого благоверного князя Даниила Московского, преподобных Сергия Радонежского и Серафима Саровского в духовном становлении поэта. Раскрыто почитание Тютчевым русских святынь. Проанализированы воздействие святых мест на внутреннее состояние Тютчева и его родных, а также отражение полученных впечатлений в лирике поэта. Углублены современные представления о духовной жизни Тютчева.

Ключевые слова: духовность, лирика, монастырь, пейзаж, святой.

© T. Baturova, 2011

NATIVE SAINTS IN F.I. TIUTCHEV'S LIFE

Abstract. The article deals with a little-studied problem of Saint's influence on Tiutchev's world outlook and work. The author considers the role of Moscow Saint Prince Daniil, St. Sergius and St. Seraphim in poet's spiritual becoming. Tiutchev's veneration of Russian relics is revealed. The article analyzes the impact produced by visiting Holy Places on Tiutchev himself and the members of his family resulted in the poet's lyrics. The study allows of deepening contemporary understanding of Tiutchev's spiritual life.

Key words: spirituality, lyrics, monastery, landscape, Saint.

Данная тема относится к числу непростых и почти не исследованных: если существуют специальные труды о роли православия в творчестве Ф.И. Тютчева, то вопрос о влиянии святых на его мировоззрение и поэзию практически не рассматривался литературной наукой. Причина этого – очень личное отношение поэта к сокровенному вопросу. К тому же старая литературная наука уходила от религиозных проблем, замалчивала их. И все же без освещения роли святых в жизни Тютчева невозможно во всей полноте постичь творчество великого поэта.

Обращаясь к Своим ученикам, Господь говорит: «Вы – свет мира» (Мф. 5, 14). Этими словами Он указывает, что Его ученики будут носителями истины, правды, любви, Божественной благодати. К числу таких учеников относятся не только апостолы, но и святые. Святость – средоточие духовной жизни, на святых ориентируется человек в своем духовном пути. Современник Тютчева митрополит Московский Филарет, размышляя о святости, провозгласил стремление к ней обязанностью каждого человека. Касались эти вопросы и духовной жизни Тютчева, особенностью его было то, что каждое событие находило отражение в его душе. П.И. Баргнев в своих воспоминаниях приводит слова П.А. Вяземского, тонко подметившего внимание Тютчева ко всем событиям и явлениям жизни, и пишет: «Малейшее событие, при нем совершившееся, каждое лицо, мелькнувшее перед ним, иллюстрированы и отчеканены его ярким и метким словом» [3, 379].

Многие духовные подвижники вошли в судьбу поэта, значительно повлияли на нее. Это, прежде всего, святые, «в земле Российской просиявшие»: святой равноапостольный князь Владимир, святой князь Даниил Московский, преподобные Сергей и Герман Вала-

амские, преподобные Александр Свирский, Сергей Радонежский, Серафим Саровский, святитель Филарет Московский и, наконец, славянские святые – равноапостольные Кирилл и Мефодий. И неизменным было благоговейное отношение к ним поэта.

Тютчев родился в селе Овстуг Орловской губернии 23 ноября (по ст. стилю) 1803 г. В этот день Православная Церковь празднует память благоверного великого князя Александра Невского, святителя Митрофана Воронежского, мученика Феодора. Скончался поэт в Царском Селе 15 июля 1873 г. – в день равноапостольного великого князя Владимира, крестителя Руси. Эти параллели свидетельствуют, что русские святые, с которыми были связаны рождение и кончина Тютчева, незримо присутствовали в жизни поэта, помогали ему на сложном жизненном пути. Эта жизнь была наполнена светскими заботами, политическими интересами, сердечными увлечениями, но главным в ней было поэтическое творчество, которое немыслимо без высоких духовных моментов, без сокровенных встреч с христианскими подвижниками.

Святой князь Даниил Московский – духовный покровитель Москвы, тихий и мирный инок, положивший начало величию Москвы. Он был милостивый и нестяжательный, благоразумный и кроткий, но в то же время твердый и мужественный. Тютчев, живший в Москве, любивший древнюю столицу, посещавший ее храмы и почитавший их, неизменно оказывался в духовном общении с этим угодником Божиим. Да и дочери поэта любили древнюю столицу особенной любовью. Анна Федоровна, наиболее близкая Тютчеву, в своем дневнике в 1855 г. сопоставляет две российские столицы и делает следующую запись: «В Москве под ясным небом и среди веселой природы кажется, что инициатива человека во всех областях развивалась на полном просторе: улицы выются неправильно и без всякой симметрии среди групп домов самого разнообразного стиля; живописные уклоны почвы, неровности которой никогда не были сглажены искусством человека, создают в самой середине города неожиданные кусочки пейзажей, возглавляемых церквями самых фантастических форм, которые одни в России сохраняют традиции и воспоминания прошлого. Насколько здесь душа чувствует свободней, чем в пышной Северной Пальмире, с ее низким свинцовым небом, с ровной болотистой почвой, которая всюду выдает себя и отовсюду выглядывает, несмотря на роскошь и великолепие ее замечательных построек и величественных зданий, ее хорошо вымощенных, правильно распланированных улиц, всего этого целого, дышащего порядком и неумолимой дисциплиной; здесь на каждом шагу чувствуется, что ничто не было предоставлено частной инициативе, отдельной личности, что все организовано, координировано и завершено самодержавной и деспотичной мыслью» [4, 163-165]. Москва для дочери Тютчева – «город величайшей свободы», «полнейшего досуга» ее добродушных жителей. Неприхотливая, домашняя московская жизнь была дорогá императорской фрейлине. Дорогá, прежде всего, глубокой духовностью: молебнами в Чудовом монастыре, древними соборами, мощами святых, на поклонение которым Анна Федоровна ходила с царственными особами, близкими ей в своей православной вере.

Особое место в духовной жизни Тютчева и его семьи занял преподобный Сергей Радонежский – великий светильник Земли Русской, ее создатель, игумен, заложивший основы просвещения и нравственного воспитания народа. Тютчев любил Лавру преподобного Сергия, ее глубоко почитали дочери поэта. Тютчев не раз присутствовал здесь на духовных торжествах. Он бывал в Лавре на большом престольном празднике – Обретении мощей преподобного Сергия. В последнее десятилетие, когда болезни и жизненные проблемы одолевали его все больше, поэт стремился в святое место. Г.В. Чагин пишет о лете 1862 г. в жизни поэта: «После того, как с недавних пор в городок Сергиев Посад стало возможно добираться из Москвы по железной дороге, Тютчев стал наведываться к Троице все чаще» [5, 214]. Поэт не мог не посетить Лавру и в день чествования знаме-

нитого иерарха – митрополита Филарета Московского. 5 августа 1867 г. Русская Церковь праздновала 50-летний юбилей архиерейского служения митрополита. В связи с приближающимся торжеством Тютчев 24 июля 1867 г. писал жене Эрнестине Федоровне: «Пятого числа следующего месяца в Троице-Сергиевой лавре будут праздновать юбилей митрополита Московского, и я собираюсь отправиться туда накануне в компании Сушкова и моего старинного друга Бодянского, с которым я век не видался. Этот юбилей единственный в своем роде, и мне очень любопытно на нем побывать. Только восславлять его в стихах, как меня просили, я ни в коем случае не стану» [2, 245-246]. Ничего формального, официального не хотел видеть Тютчев в этой поездке. Она нужна была его душе.

Оставалось всего несколько месяцев до кончины первосвященника. Тютчев был потрясен его обликом, высотой внутреннего мира, сочетанием внешней слабости и силы духа; на торжестве в Лавре он реально ощутил Божественную благодать, воспринятую митрополитом Филаретом. Увиденное озарило последующие, самые тяжелые годы жизни Тютчева и отпечаталось на последних минутах его жизни.

Глубокое почитание преподобного Сергия было и у дочери поэта – Анны Федоровны. В своих дневниках она часто упоминает о посещении Лавры вместе с царственными особами, о молебнах у раки преподобного, противопоставляет ее тишину и покой бурной столичной жизни: «На другой день около 11 мы с m-lle Шубиной поехали к Троице. Она приготовила для нас прекрасную карету и почтовых лошадей, мчавших нас с быстротою ветра. Погода была прелестная, воздух напоен благоуханием весны, на полях и в лесах распускалась свежая, блестящая зелень, птицы пели, и толпы богомольцев, которых мы встречали, имели праздничный вид. Это были первые мои весенние впечатления в этом году, и я очень наслаждалась ими, и, тем не менее, странно сказать, все это мне казалось чуждым, я испытывала какое-то недоверие и говорила себе: “Все это исчезнет, как сон”. И я не ошиблась: через два дня я вернулась в Петербург, где застала голые деревья, высохший газон и ледяной воздух. В 4 часа мы приехали к Троице и увидели пестрые купола соборов, сиявшие на солнце. Мы вошли в ограду, где толпились богомольцы. Вечерня только что отошла. Мы пошли приложиться к мощам преподобного Сергия...» [4, 272-273]. Часто дочь Тютчева посещала в Лавре митрополита Филарета и была человеком, весьма близким первосвященнику.

Велика роль преподобного Серафима Саровского в жизни Тютчева и его семьи. Показателен тот факт, что в доме Тютчевых хранился портрет старца Серафима – возможно, прижизненное изображение святого. Изображение великого старца определило в значительной степени духовную атмосферу этого дома. По молитвам преподобного Серафима совершилось и удивительное чудо, связанное с семьей Тютчева. Дочь поэта Дарья Федоровна в своих воспоминаниях рассказывает о чудесном исцелении великой княжны Марии Александровны, впоследствии герцогини Эдинбургской, от тяжелой болезни с помощью мантии старца Серафима, привезенной из Дивеева. В этом событии, происшедшем осенью 1860 г., приняла самое активное участие Анна Федоровна Тютчева. 18 сентября великая княжна во время прогулки с государем простудилась и оказалась в большой опасности: доктора объявили государю, что мало надежды на выздоровление его дочери. И 21 сентября к настоятельнице Серафимо-Дивеевского монастыря игумении Марии (Ушаковой) приехала девушка Анны Федоровны с просьбой немедленно доставить мантию отца Серафима умирающей великой княжне. В этой мантии батюшка Серафим молился на камне 1000 дней и ночей. Ею накрыли больную девочку, и она тихим голосом произнесла: «Праведный Серафим, исцели меня», потом заснула, и в болезни ее наступил перелом, изумивший врачей и приведший к полному выздоровлению девочки. Об истории исцеления великой княжны не мог не знать Тютчев. Осенью 1860 г. он лечился в Европе, но неизменно получал письма от родных. Через год, осенью 1861 г.,

будет создано стихотворение «Хоть я и свил гнездо в долине...», в котором явно и четко проступает устремленность поэта к духовным высотам и, возможно, звучит отголосок происшедшего по молитвам старца Серафима чуда:

Хоть я и свил гнездо в долине,
Но чувствую порой и я,
Как животворно на вершине
Бежит воздушная струя, –
Как рвется из густого слоя,
Как жаждет горних наша грудь,
Как все удушливо-земное
Она хотела б оттолкнуть...

На недоступные громады
Смотрю по целым я часам, –
Какие росы и прохлады
Оттуда с шумом льются к нам,
Вдруг просветлеют огнецветно
Их непорочные снега –
По ним проходит незаметно
Небесных Ангелов нога [1, 103].

Слово «огнецветно» напрямую может быть связано с образом старца Серафима, самое имя которого означает «пламенный» и которого уже при жизни называли «земным ангелом и небесным человеком». В Евангелии от Иоанна приведены слова Господа, говорящего Своим ученикам: «<...> истинно, истинно говорю вам: отныне будете видеть небо отверстым и Ангелов Божиих, восходящих и нисходящих к Сыну Человеческому» (Ин. I, 51). Это чудное движение бесплотных Сил Небесных открывается и поэту в минуту высокого творчества. Оно отражено в пушкинском «Пророке», в лермонтовском «Ангеле» и в других лирических стихотворениях XIX в., развивающих мотив небесной вести. Этот мотив представлен и в рассматриваемом произведении Тютчева: Небо откликается на горячий и искренний призыв человека.

Анна Федоровна упоминает в своих дневниках и о святых иконах, присланных из Саровского монастыря по случаю коронации государя. И, наконец, творческие создания поэта порой сияют пасхальной радостью, столь дорогой для преподобного Серафима, неизменно встречавшего своих посетителей ласковым приветствием: «Христос воскрес, радость моя». Тютчев приветствовал великий Пасхальный день – «вселенский день и православный»:

День православного Востока,
Святись, святись, великий день,
Разлей свой благовест широко
И всю Россию им одень.

Но и Святой Руси пределом
Его призыва не стесняй,
Пусть слышен будет в мире целом,
Пусть он льется через край [1, 238].

Итак, можно с уверенностью говорить о присутствии русских святых в жизни Тютчева, что в значительной степени обусловило глубину личности поэта, отразилось в его творчестве. Данные наблюдения, конечно, не исчерпывают всей полноты проблемы. Но и они позволяют расширить современные представления о духовном мире Ф. И. Тютчева.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Тютчев Ф.И. Полн. собр. соч. и письма: В 6 т. Т. 2. М., 2003.
2. Тютчев Ф.И. Полн. собр. соч. и письма: В 6 т. Т. 6. М., 2004.
3. Тютчев Ф.И. Стихотворения. Письма. Воспоминания современников. М., 1988.
4. Тютчева А.Ф. Воспоминания. М., 2000.
5. Чагин Г.В. Родовое гнездо Тютчевых в русской культуре и литературе XIX века. М., 1998.